

Содержание

Ричард Уотмор

Предисловие к новому изданию Princeton Classics	7
Предисловие	28

Часть первая. Время и единичное.

Концептуальные основания

Глава I. Проблема и ее модусы.	
А) Опыт, обычай и рассудительность	34
Глава II. Проблема и ее модусы.	
Б) Провидение, фортуна и добродетель	70
Глава III. Проблема и ее модусы.	
В) Vita Activa и Vivere Civile	93

Часть вторая. Республика и ее фортуна.

Политическая мысль Флоренции 1494–1530 годов

Глава IV. От Бруни к Савонароле.	
Фортуна, Венеция и апокалипсис	134
Глава V. Реставрация Медичи.	
А) Гвиччардини и меньшие ottimati, 1512–1516	175
Глава VI. Реставрация Медичи.	
Б) «Государь» Макиавелли	232
Глава VII. Рим и Венеция.	
А) «Рассуждения» и «О военном искусстве» Макиавелли	266
Глава VIII. Рим и Венеция.	
Б) «Диалог» Гвиччардини и проблема аристократической рассудительности	316
Глава IX. Джаннотти и Контарини.	
Венеция как понятие и как миф	392

Часть третья.

Ценности и история в предреволюционной Атлантике

Глава X. Проблема английского макиавеллизма. Модели гражданского сознания до Английской революции	474
Глава XI. Англизация республики. А) Смешанное правление, святой и гражданин	511
Глава XII. Англизация республики. Б) Двор, страна и постоянная армия	564
Глава XIII. Неомакиавеллиевская политическая экономия. Спор о земле, торговле и кредите в Англии Августинской эпохи	592
Глава XIV. Дебаты XVIII столетия. Добродетель, страсть и коммерция	647
Глава XV. Американизация добродетели. Коррупция, конституция и фронтир	706
Послесловие	767
Словарь основных италоязычных понятий (Сост. <i>Алина Звонарева</i>)	805
Библиография	810
<i>Тимур Атнашев, Михаил Велижев.</i> Первооткрыватель республиканской традиции, или Как заниматься политической философией с помощью истории политических языков?	821
Указатель имен и ключевых терминов (Сост. <i>Анна Новосельцева, Георгий Копылов</i>)	851

Предисловие

Эта книга состоит из двух основных частей, а сложность темы служит оправданием ее объема. В первой половине — разделенной на две части — я интерпретирую флорентийскую мысль эпохи Макиавелли, помещая его труды в круг сочинений современников и сверстников: Савонаролы, Гвиччардини, Джаннотти и других. Такой подход не использовался в ранее написанных англоязычных работах: я стремлюсь поместить флорентийский республиканизм в контекст, который анализирую в трех главах, составляющих первую часть. Здесь я предполагаю, что возрождение республиканского идеала сторонниками гражданского гуманизма поставило вопрос об обществе, в котором политическая природа человека, описанная Аристотелем, должна была получить законченный вид внутри христианского представления о времени, отрицавшего возможность какой-либо мирской завершенности. Далее, я исхожу из того, что мышление европейца этого периода располагало ограниченным набором средств, позволяющих наделять смыслом секулярное время, — об этом речь пойдет в первых трех главах, а также в главах, посвященных обычаю, благодати и фортуне. Проблема существования республики во времени могла в ту эпоху осмысляться лишь с помощью таких средств. Флорентийцы первой четверти XVI века — в особенности Макиавелли — ставили и решали сформулированную таким образом общую проблему, что придает их мысли особое своеобразие.

Выражение «Момент Макиавелли» следует понимать двояко. Во-первых, оно обозначает момент и способ, благодаря которым появилась на свет мысль Макиавелли. Здесь я прошу читателя не забывать, что перед ним не «история политической мысли» (что бы это ни означало) в последние годы существования Флорентийской республики и не история политического опыта флорентийцев той эпохи, призванная «объяснить», как они выражали изучаемые нами идеи. Момент, о котором здесь идет речь, определяется выборочно и тематически. Я утверждаю, что устойчивые формы в темпоральном сознании

европейцев эпохи Средневековья и раннего Нового времени привели к такому представлению о республике и гражданском участии в ней, которое ставило проблему исторического самосознания. Как можно заметить, Макиавелли и его современники прямо и косвенно сталкивались с этой проблемой и занимались поисками ее решения. Она играла важную роль тогда и не теряла своей значимости в последующие два или три столетия, во многом благодаря их оригинальным разысканиям. Попытки решения указанной проблемы — это исторический процесс, хотя речь шла лишь об одном из аспектов сложной структуры их мысли; а «момент» — это та историческая ситуация, в которой они занимались осмыслением этой проблемы, ставшей для них насущной.

Во-вторых, «момент Макиавелли» обозначает саму проблему. Это название того момента в концептуальном понимании времени, в который республика осознает собственную временную конечность, стараясь сохранить моральную и политическую стабильность в потоке иррациональных событий, воспринимавшихся как неминуемо разрушительные для всех стабильных светских установлений. На разработанном для этих целей языке ситуация описывалась как противостояние «добродетели» «фортуны» и «пороку». Изучение флорентийской мысли предполагает исследование того, как Макиавелли и его современники понимали оттенки значений этих слов и их импликаций в контексте тех способов осмысления времени, которые рассматриваются в предшествующих главах. Стремясь показать, что Макиавелли был в числе многих более и менее выдающихся людей, обеспокоенных решением этой проблемы, я надеюсь также показать, что это подходящий контекст для изучения его мысли. Толкуя ее таким образом, мы, возможно, сократим число высокопарных и оторванных от реальности интерпретаций, которым она подвергалась.

Кроме того, я утверждаю, что у «момента Макиавелли» была долгая история в том смысле, что секулярное политическое самосознание продолжало ставить вопросы для исторического самопонимания, составляя часть пути, проделанного западной мыслью от средневекового христианского к современному историческому сознанию. Макиавелли и его современники, флорентийская теория и ее представления о венецианской практике оставили парадигматическое наследие, связанное с размышлением над не теряющими актуальности проблемами: понятиями сбалансированного правления, динамичной

*virtù*¹, ролью оружия и собственности в формировании гражданской личности. Во второй половине книги — в третьей части — я прослеживаю историю «момента Макиавелли» в английской и американской мысли XVII–XVIII веков, стараясь показать, что англоязычная политическая традиция была носителем республиканских и макиавеллистских концепций и ценностей, наряду с концепциями и ценностями конституционалистов, Локка и Бёрка. Я утверждаю, что ключевой фигурой здесь выступает Джеймс Харрингтон, осуществивший синтез гражданской гуманистической мысли с английским политическим и социальным сознанием, и философии войны Макиавелли — с основанным на общем праве представлением о важности безусловных прав на частную собственность. Первые три главы третьей части посвящены размышлению о том, как республиканская концепция политики оказалась уместной в весьма неблагоприятной обстановке Англии времен Гражданской войны, где конфликт между тюдоровским монархизмом и пуританским религиозным национализмом и милленаристским сектантством породил, по-видимому, много больше соперничающих между собой стилей и языков мышления, чем во Флоренции. Уверенное распространение неоклассической политической теории, которая в каком-то смысле была наследницей пуританского милленаризма, и ее господство в Англии и Америке XVIII столетия — феномен, требующий осмысления, которому и должна послужить оставшаяся часть этой книги.

«Момент Макиавелли» в том виде, в каком он существовал в XVIII веке, составляет тему заключительных глав, в большей степени посвященных Америке. Противостояние «добродетели» и «коррупции» рассматривается как важная проблема социальной и исторической философии этой эпохи. Категории, которые она почерпнула из гуманизма и у Макиавелли, стали, как показано, проводником общего враждебного отношения к капитализму в начале Нового времени — отношения, основанного на критическом осмыслении системы государственного кредита, а не самого рыночного обмена. Понятия «кредита» и «торговли» все чаще перенимали функции «фортуны». Хотя это побуждало мыслителей воспринимать секулярное время как динамичное скорее, чем просто как хаотичное, противопоставление «добродетели» и «коррупции» — или

1. Доблесть, добродетель (*итал.*). — *Прим. ред.*

«добродетели» и «коммерции» — сохраняло актуальность, олицетворяя оппозицию между ценностями и личностью, с одной стороны, и историей и обществом, с другой, в его первоначальной современной и секулярной форме. В XVIII веке этот конфликт достигает пика за счет намечающейся тенденции к диалектическому восприятию истории в Европе и утопической картины открытого пространства в Америке, где исконно ренессансное чувство времени сохранялось, по-видимому, вплоть до XIX века. Я утверждаю, что проблемы, поднятые флорентийскими гуманистами еще во времена Леонардо Бруни, сыграли существенную роль в формировании современного смысла истории и отчуждении от нее.

Замысел этой книги родился, когда Норман Ф. Кантор попросил меня написать обзор европейской конституционной мысли XVI–XVII веков для серии сборников, которую он тогда редактировал. На протяжении почти десяти лет работа далеко отошла от его или моих первоначальных намерений, но я должен упомянуть об этом полученном от него импульсе и о его поддержке, равно как и о великодушии его тогдашних издателей (*John Wiley and Sons*), освободивших меня от обязательств, которые я на себя взял.

Я хочу назвать имена исследователей, чьи труды имели для меня наибольшее значение в ходе работы над этой книгой. В ней таинственным (пусть и противоречивым) образом ощущается присутствие Ханса Барона (которому об этом совершенно не было известно). Среди многих ученых, чьи работы и высказанные в разговоре мысли непосредственно послужили мне опорой, я должен в первую очередь упомянуть Феликса Гилберта, Дональда Вайнстейна, Уильяма Дж. Боусму, Джона М. Уоллеса и Гордона С. Вуда. Если говорить о тех, чья деятельность более тесно связана с искусством изучения истории, отдельные фрагменты рукописи на разных этапах читали, высказывая свои замечания, Дж.Х. Хекстер (Йельский университет), Питер Ризенберг и Джон М. Муррин (Университет Вашингтона), Ричард Э. Флэтмен (Университет Вашингтона) и Квентин Скиннер (Кембриджский университет). Разумеется, они не несут ответственности за содержание книги. Мистер Скиннер даже предложил ее название, однако его не следует винить в том, что у меня из этого получилось. Я хотел бы также поблагодарить Питера Фасса, Макса Окенфасса и Генри Шапино, моих коллег по местному отделению Ассоциации изучения политической мысли в Сент-Луисе, которые

достаточно натерпелись от меня, и мою дорогую жену, которая составила алфавитный указатель в период, когда у нас было много других забот. Магистратура и исторический факультет Университета Вашингтона на протяжении восьми лет неизменно оказывали мне материальную, моральную и интеллектуальную поддержку.

*Дж. Г. А. Покок
Университет Вашингтона, Сент-Луис
Ноябрь 1973 года*